

Карьера «московского немчина» Ээриики Антинпойка: от переводчика до военного комиссара

Потребность в переводе, острая в сложных политических баталиях Смуты, делала «профессию» толмача и переводчика крайне востребованной. Заметное место среди переводчиков Смутного времени, появившихся в разных областях государства, играли «московские немцы», поселенные в Москве пленники Ливонской войны и последующих военных действий на «немецкой украине». Н. Б. Шеламанова [2] и Т. А. Опарина [1] показали, что с 1570-х гг. в Москве существовало компактное поселение ливонцев. Потомки этих людей в годы Смуты охотно принимались на службу как в приказы, так и в действовавшие военные отряды. В 1610 г. несколько «немцев» были прикомандированы в войску Якоба Делагарди и позднее прошли с шведским корпусом долгий путь, от Москвы к Клушину, Кореле (Кексгольму) и Новгороду Великому, а после 1617 г. в большинстве своем стали субъектами шведского королевства.

Одна из самых ярких карьер «московского немца» принадлежала Эрику Андерссону (Ирику Андрееву, Ээйрики Антинпойка Куркинену). Жизнь нашего героя можно разделить на три части: детство, включавшее в себя, вероятно, путь из Выборгской округи в Москву и обучение русскому языку, затем - служба в переводчиках сперва при Я. Делагарди, а затем в межевых комиссиях в Ингрии и Карелии и, наконец, административная и военная служба дворянина Траны в Шведском королевстве, завершившаяся гибелью при осаде Миндена в 1634 г. Первый и последний период наиболее подробно освещен в биографии Э. Андерссона пера А. Корхонена (рис.), второй гораздо менее изучен.

Эрик Андерссон родился приблизительно в 1586 г. в семье финского крестьянина в округе Выборга. Его отец Анти Пекко 13 лет пробыл в плену в Москве и выучил там русский и татарский языки, которым впоследствии обучил сына. Андерссон был одним из тех четверых мальчиков, занятия которых по русскому языку оплачивал король Карл IX. Какое время пришлось на «московский» период жизни Эрика Андерссона, неясно. Квитанции на получение его жалованья в войсках Делагарди известны с января 1610 г. После взятия Новгорода Великого в июле 1611 г. Эрик Андерссон – среди значительной группы переводчиков и толмачей в «штабе» Якоба Делагарди (скорее впрочем, в административном аппарате секретаря М. М. Пальма) [4]. По всей вероятности, в первое время ему не доводилось соприкасаться с новгородцами; в любом случае имя Э. Андерссона до 1614 г. не известно новгородским приказным документам. Видимо, именно при М.

М. Пальме молодой переводчик сформировался в будущего военного администратора. С 1614 г. переводчик «Ирик Андреев» неожиданно занял ведущую роль не только в хозяйственной жизни, но и в целом – в управлении городом. Полагаю, это было связано с переменами в режиме: фактическому отказу шведской администрации от альянса с новгородцами и переходу к открытой оккупации. По времени это соотносится с отпуском Якоба Деллагарди, которого заместил Эверт Горн, а также с отстранением дьяков П. Григорьева и С. Лутохина от принятия решений в Новгороде после возвращения из Москвы посольства хутынского архимандрита Киприана. А с 1615 г. именно Э. Андерссон играл важнейшую роль в управлении Новгородом. Его скрепа стоит на значительной части документов новгородского Дворца. (рис.)

Когда в августе 1615 г. началась подготовка к переговорам на Песках Эрик Андерссон был назначен строить на реке Поле острог и посольские дворы для шведской делегации. Он был во главе отряда из 20 конных и пеших шведских солдат и 50 «русских людей», посланного обустроить шведский стан переговоров¹. (рис.)

В начале июня 1616 г. Э. Андерссон вместе с подьячим Григорием Собакиным проводили обыск у хутынского архимандрита Киприана и обнаружили в его келье «челобитную, писана от ноугоротцкого митрополита и от нево и от всяких чинов людей, а в той де челобитной написаны Якова Пунтусова неправды», которая предназначалась стоявшим в Тихвине московским послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами. После этого шведские власти арестовали Киприана². Архимандрит Киприан не забыл, кто был инициатором его ареста. В начале октября 1616 г. он предупреждал послов о том, что во время болезни митрополита Исидора именно Э. Андерссон, стакнувшись с подьячим Григорием Собакиным, «приходили в Софею Премудрость Божию и многую казну и поставленье пограбили, а досталь хотят из Софеи Премудрости Божии и из ыных церквей Божиих грабити»³.

Осенью 1616 г. Э. Андерссон был получил ответственное поручение доставить в Ладогу (где Я. Деллагарди и М. М. Пальм начали переговоры с английским представителем Джоном Мерриком) родственниц новгородцев-

¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1615. Д. 10. Л. 322–330.

² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 7. Л. 274–278.

³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 6. Л. 10–11.

участников московской мирной делегации⁴. В документах марта 1617 г. Э. Андерссон называется одним из инициаторов вывоза из Новгорода в Швецию колоколов и пушек, часть которых он присвоил⁵.

Осенью 1617–весной 1618 г. Э. Андерссон был назначен в переводчики в миссию Й. Берндеса на межевые переговоры в Ингрии. Однако его роль не сводилась лишь к переводу. На съезде в Ложголове на Луге он обратился к русской миссии с секретным предложением изменить границу в пользу шведской стороны в обмен на скорое подписание договора. По словам русского представителя Семена Жеребцова, шведские комиссары «говорили затейные речи и умышленьем: старинная де межа Ямскому и Иванегородцкому уезду меж Сумерские волости и Гдовского уезда от Луги реки Долгою рекою вверх, а от Долгие реки на Поля и на Иссад к Петру и Павлу и до Чюцкого озера к их же немецкому городу к Сыренску, а Долгая, государь, река идет из Сумерские волости и захватили тою Долгою рекою треть Сумерской волости з живущими деревнями, а Гдовского уезда захватили от Ыванягорода помесных и монастырских земель живущих мест на тридцать верст, а Нерова река вышла из Чютскова озера и шла до устья Плюсы реки по меже Гдовского и Ругодивского уезда, и рыбная ловля по Нерове реке словет Скамья, а ловят исстари псковские и гдовские рыбные ловцы пополам с ругодивскими да с Сыренскими ловцы» (Рис.). Заметно, что в этом случае шведская сторона начала ловчить и предлагать пересмотреть уже достигнутые в Столбове договоренности. Жеребцов, для которого такие предложения были неприемлемы, апеллировал к прежним разграничениям по Плюсскому перемирию 1583 г. и по Тявзинскому миру 1595 г. Но Э. Андерссон утверждал, что шведские комиссары не помнят досконально условий переговоров на Плюссе и Тявзинских договоренностей, а в договоре в Столбово четко написано: уточнять линию границы у старожильцев, притом что их старожильцы указывают, что «прямая» линия границы именно такая, как они говорят — по реке Долгой и далее на Иссад. Здесь дело дошло до очной ставки: шведские комиссары представили «русских ямских крестьян», а московские — своих; перед ними положили межевую роспись и чертеж. Согласно Жеребцову, шведские «знатцы» говорили «по их наученью их речи, блюдая их, а они сами росписи и чертежи наши смотрели ж и говорили: токо де по вашей росписи и по чертежи меже быти по Плюсское устье, и у Ивана де города и уезду не будет и дров сечи негде, и городу де как без уезду?». Однако шведская аргументация от того не усиливалась, и шведы

⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 10. Л. 62–63.

⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 10. Л. 76–82.

сами отказались от проведения очной ставки — старожильцев было велено «выслать из избы вон». Примечательно, что здесь, в Ложголове, в середине декабря 1617 г. Э. Андерссон с товарищами прибег к тем же самым аргументам, что использовали шведские послы (прежде всего, Я. Делагарди) во время переговоров 1615–1617 гг. Без свидетелей (крестьян-старожильцев) он напомнил русским межевальщикам о больших убытках, которые понес король во время длительной войны в Московском государстве и затем, во время долгого достижения мира — через переговоры на Песках и в Столбове и до межевых съездов осени 1617 г. (Жеребцову припомнили и четыре месяца ожидания шведами русских межевых послов на Лавуе). Наконец, Э. Андерссон предложил С. И. Жеребцову комбинацию: если тот согласится подписать договор о границе прямо сейчас, то шведы согласны провести расследование, как действительно проходит граница между Ивангородским и Гдовским уездами (сиречь, соглашаются на тот вариант, который был в наказе у русского посольства). Если же русские предлагают ждать, пока грамота дойдет из Москвы, то шведы будут настаивать на своем варианте границы. Можно предположить, что готовность шведов перенести будущую границу ближе к Чудскому озеру как-то соотносилась с одним из проектов территориальных претензий, высказанных королем Густавом Адольфом еще во время Дедеринских переговоров. Король тогда, в письме из лагеря под Псковом, наказывал своим уполномоченным не настаивать на уступке Гдова, но «назначить границу близ Пейпуса, между Гдовом и Вестер-Нарвою или Нишлотом»⁶. Но Э. Андерссон утверждал, что шведские комиссары не помнят досконально условий переговоров на Плюссе и Тявзинских договоренностей, а в договоре в Столбово четко написано: уточнять линию границы у старожильцев и «шведские» старожильцы указывают на предлагаемый Э. Андерссоном вариант границы⁷. 19 февраля, произошел заключительный съезд межевых послов. На нем договорились о новом сроке на подготовку последних документов — с 22 февраля по 17 марта. За работу над ними сели два переводчика: с московской стороны — Тимофей Фанемин, а с шведской — Эрик Андерссон, гораздо более квалифицированный знаток языков и, главное, в отличие от Фанемина, неслучайный человек в посольстве.⁸ С первых дней переговоров шведская сторона выразила недовольствие тем, как Т. Фанемин переводит содержание речей (думаю, что качество перевода вполне оценил знающий и русский, и шведский, а также, добавлю, — татарский, финский и немецкий языки, Эрик Андерссон).

⁶ Лыжин Н. П. Столбовский мир. С. 57.

⁷ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 239–249.

⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 343–348.

С. И. Жеребцов вынужден был оправдываться тем, что взятый в Москве переводчик с шведского языка в дороге заболел и был оставлен русскими послами в Тихвине, после чего и пришлось привлечь в качестве толмача Т. Фанемина (чьим языком был немецкий). В январе 1618 г., видимо, осознав неудовлетворительное качество переводов Т. Фанемина, дьяки Посольского приказа велели переводить грамоты участнику посольства дьяку Ивану Льговскому⁹.

В конце концов, в марте 1618 г. Эрик Трана был среди тех, кто подписал соглашение о границе на Осиновой Горке, там, где Ивангородская дорога пересекала трассу новой границы.

Из Ингрии Э. Андерссон был направлен в Карелию. При подготовке к переговорам о размежевании в Карелии шведы очень серьезно отнеслись к выбору участников своей делегации. Эрик Андерссон попал в нее как человек, видимо в совершенстве владевший русским языком.

Во время переговоров в Карелии Эрик Андерссон все время находился в стычках с русскими межевыми послами. Те, в свою очередь, демонстрировали к нему свое негативное отношение и всегда были готовы к отповеди. На упреки Э. Андерссона они отвечали достаточно резко: «А что в вашем письме было писано, что Ирик Ондреев от нас говорил с вами о одном прямом месте, где съехатца, и так у нас не подумано и менши писано, мало слушать ево в своем деле хотим, то мы умеем догадатца, что толмач всяким другом, которое мы добро хотим писать неправду переводит, или вы вашею думою неправду думати хотите, больше у нас думано, что дело не хотим задержать»¹⁰. Сам Эрик Андерссон активно интриговал против личностей московских посланных, настаивая, что те столь некомпетентны, что не владеют русским языком и не фиксируют все речи шведских послов¹¹.

В январе 1620 г. шведские послы, находясь в отчаянии и стремясь найти управу на русских межевщиков, отправили Эрика Андерссона сначала в Нарву, к генерал-губернатору К. К. Юлленгельму и к наместнику Хенрику Флемингу, а потом – к новгородскому воеводе¹². На эту миссию шведские комиссары возлагали большие надежды, однако она кончилась ничем. Эрик лично пишет письмо к кн. Д. И. Мезецкому, убеждая того способствовать скорейшему размежеванию (сохранился автограф – **рис.**). Ему удалось

⁹ Царская грамота (из Посольского приказа) С. И. Жеребцову с товарищами о посылке к ним новых верящих грамот. 11 декабря 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 211–215.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 114а–115.

¹¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 105–112.

¹² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 120–123.

добиться аудиенции у воеводы, он блестяще выступил – но промедление в переговорах зависело не от его искусства.

Нет сомнения в том, что новгородцы, участвовавшие в переговорах о меже в Карелии, многие годы служили в Новгороде одновременно с самыми главными участниками переговоров – Эриком Андерссоном и Хансом Мунком. В этом была причина многих взаимных претензий, суть которых подчас не всегда ясна из имеющихся документов; в этом, видимо, была и причина попыток шведской посольской делегации отвести от переговоров одного из участников русской миссии – подьячего Василия Частого. В спорах об этом неожиданно проявились сведения о происхождении Эрика Андерссона, известные московским властям. В одной из грамот, отправленной из-под Москвы на межевание, посольские дьяки писали, что государь волен послать на межевание кого хочет, а шведам «в том указывать непригоже и бездельем заминать непристойно, а Василей Частой искони вечной наш подданной, а не сваянин, а с их сторону переводчики хотя и прямые наши изменники, а ныне служат свейскому королю, и наши послы тех дел не отсылают. И ныне с ними на съезде толмач Ирик был московской немчин, а на Москве с послы их был толмач Анца Брякилев, бывал московской же немчин»¹³.

Успешное (для обеих сторон) завершение переговоров в Карелии пришло только в 1621 г. В 1626 г. Эрик Андерссон получил дворянское достоинство с фамилией Трана (Trana). В 1626-1628 гг. он служил наместником Дерпта и Восточной Ливонии (в Западной Ливонии в это время военным комиссаром служил его прежний начальник М. М. Пальм) [7], а после этого – переведен в Ригу на должность генерального комиссара. Здесь он служил под началом Юхана Шютте до 1631 г. Затем король назначил Э. Трану военным комиссаром Померании и Мекленбурга, в королевскую ставку. Весной 1626 г. Эрику Андерссону Тране было поручено проверить деятельность зернового писца в Яме Исаака Торчакова, вызванного в Стокгольм. Будучи экспертом по русскому делопроизводству, Э. Трана охарактеризовал деятельность Торчакова как «предательство» [6]. Э. А. Трана получил в эти годы владения в Лисинском погосте (Liissillään) Нотебургского уезда [5]. В августе 1632 г. он принимает участие в осаде Вольфенбюттеля, позднее его прикомандировали в шведскую армию в Вестфалии.

Примечательно, что он пишет из-под Вольфенбюттеля канцлеру Акселю Оксеншерне 14 октября 1633 г.: «В Новгороде все пошло не так плохо, и нам нужно было больше заботиться о сохранении собственной власти,

¹³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 143–147.

чем о защите горожан. Здесь же [в Вестфалии. – А. С.] все иначе, они родственники нашей религии»

В августе 1634 г. ему было поручено обеспечивать артиллерией осаду Миндена. 25 октября 1634 г. Трана погиб во время ночного нападения католиков [8].

Биография Э. А. Траны, в особенности – те ее эпизоды, которые относятся к «новгородскому» десятилетию (1611-1621 гг.) показывает, что для европейца оказаться «московским немцем» на рубеже XVI-XVII в. не было приговором. Возросшая мобильность во всех социальных группах в трагическую эпоху Смуты допускала резкие повороты в карьерных путях; знание языков, административный талант служили здесь серьезным преимуществом.

1. *Опарина Т. А.* Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. Вып. 70 (1–2). М., 2009. С. 273–302.
2. *Шеламанова Н. Б.* К вопросу о появлении пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI века // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 180–182
3. *Korhonen A. Eerikki Antinpoika.* Porvoo, 1953
4. *Maier I.* Foreign-language specialists in Muscovite Russia (16th and early 17th century) // Slavica Helsingiensia 35. С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Helsinki, 2008. P. 202.
5. *Partanen J.* Väestösiirrot ja tulomuutto Tuuteriin 1600-luvun alussa // Liikkuvuutta suurvallan paineessa. Joensuu, 1996. P. 91.
6. *Pereswetoff-Morath A. I.* Isaak Torčakov –en ingermanländsk diak // Novgorodiana Stockholmiensia. Stockholm; Novgorod., 2012. S. 80–110 (Stockholm Slavic Papers. 19).
7. *Tarkiainen Ü.* Maarevisjonid Eestija Liivimaal Rootsi võimuperioodi alguses // Ajalooline Ajakiri. 2013. Nr. 2 (144). P. 143–181.
8. *Warlich B.* Trana auf Sataniemi und Raisala (Karelien), Eerikki Antinpoika [Erik Andersson, Andersohn, Anterson; „Erich Krana Enderßon“] // Der Dreißigjährige Krieg in Selbstzeugnissen, Chroniken und Berichten [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.30jaehrigerkrieg.de>>.